

"...НЕ ХОЧУ Я НА ТАКОЕ ФРУКТОВОЕ ТЕЛЕВИДЕНИЕ!"

- признается гость "Смены", петербургский телережиссер Игорь ШАДХАН, уже несколько лет работающий вне традиционных государственных структур.

Несколько недавних воскресных вечеров в 22.00, удерживаясь от соблазна посмотреть традиционные «Итоги», переключала телевизор на Российский канал: там шел новый документальный сериал Игоря Шадхана «Снег — судьба моя». Следить за Шадханом всегда интересно. На нашем телевидении он смотрится как фигура обособленная. В центр Вселенной он по-прежнему ставит человека, будь то шестилетка из детского сада или старик, бывший гулаговец.

В 1989 году Игорь Шадхан ушел с тогдашнего ЛенТВ. После 19 лет работы. Ушел от дискомфорта и ощущения собственной ненужности. Кто-то захватывал, делил, покупал эфир, боролся за телевласть. Шадхан просто работал. Как художественный руководитель «Русского видео», курировал работу других. За три последних года сделал столько, сколько не сделал ни один телережиссер. Это десятисерийное продолжение знаменитой «Контрольной для взрослых». Цикл очень неординарных передач «Утопия» — о духовных исканиях наших современников, прежде всего молодых. Затем — несколько крупных планов руководящих работников мэрии. В том числе Анатолия Собчака, которого Шадхан догадался посадить загребным в лодку, куда и сам сел вместе с телеоператором: везите, мол, нас, Анатолий Александрович, вам теперь отвечать на вечный русский вопрос «Куда ж нам плыть?» Кто из многочисленных интервьюеров и интервьюируемых мэра сумел бы с ним так обойтись? И вот наконец по РТВ прошел фильм «Снег — судьба моя». Тема не новая — Гулаг. И снят фильм в одной лишь крайней точке российской земли — Норильске. А получилась — сага про всех нас. Про то, может ли Россия без кнута? Собравшись поговорить с Шадханом о телевидении, мы начали с его последнего фильма.

— Игорь Абрамович, уверенности в том, что мы выйдем наконец из Гулага, как я поняла, у вас нет. Но в новые сериалы, снимая молодых предпринимателей, вы смотрите на них с неприкрытой надеждой... Почему именно на них?

— А на кого еще надеяться? Если в Норильске, самом центре Гулага, где до сих пор всю жизнь определяет единственный монополист — металлургический комбинат, сумели подняться на ноги такие мальчики, то, я уверен, они и по всей стране встанут в рост и будут сильнее номенклатурных управленцев.

Я снимаю директора завода и вижу: ну не может он понять, что уже нет впереди никакого «светлого будущего». Мы, конечно, все очень долго работали ради него. И терпели. Я помню: 1952 год, мне двенадцать лет, мы с мамой стоим в очереди мне за бриками. Мама говорит: «Потерпи, Игорек, когда-нибудь ты все будешь покупать без очереди!» Представляете?

Поэтому я очень симпатизирую мальчикам, которые больше не хотят терпеть. Тем, кто не ворует, а работает. Они составляют основу зарождающегося третьего сословия. Я попросил их встать за кресла — такими я видел купцов на старинных фотокарточках. Мне эта мизансцена ужасно нравится. Я никого так не снимал, они первые. И при всей их нынешней неуверенности, малобудительности (они и стоят за креслами пока не так, как те купцы), моя последняя надежда — на них. Частники пришли! Но не на смену государственникам, а на помощь. Сейчас главный вопрос не в том, кому будет принадлежать собственность. Будет ли частная собственность разумно развиваться и с государственной содействовать? — Вы, конечно, за частное телевидение. Как, по-вашему, оно должно соотноситься с государственным?

— Частных телекомпаний может быть сколько угодно, но государственная должна быть одна! С одной, общей для всего населения и всех регионов государственной программой, концепцией. А у нас никто не хочет ее вырабатывать.

Мне ведь, телезрителю, что надо? Пусть государственное ТВ представляет мне точку зрения правительства, официальную государственную политику во

всех областях — экономики, образования, здравоохранения и прочее.

Но если я живу в цивилизованной стране, государственное ТВ регулирует только 10 процентов моих личных интересов. А остальные 90 его не касаются! Им занимается частное ТВ. Частным телекомпаниям могу диктовать я, частник, личность. Это мои развлечения и потребности. Я их удовлетворяю за свой собственный счет и плачу больше, чем государственному ТВ, от которого и не требую многого. Если у него не хватает денег, чтобы купить и показать мне рок- или оперную звезду, пусть лучше это сделает частное ТВ. У государственного другие обязанности: оно должно быть своеобразным стабилизатором в обществе, мудрым, спокойным телекомом для миллионов. Особенно в такие смутные времена; как сейчас.

Я оптимист и убежден, что вся эта нынешняя неразбериха на государственном ТВ с его бездарностью, коррупцией, взяточничеством начнет исчезать уже скоро. С развитием альтернативных, конкурирующих частных телекомпаний. К концу года расширится круг зрителей сагалевско-тернеровского 6-го канала. Он станет массовым. Создают свою телекомпанию Олег Уралов, другие мажорные организаторы ТВ.

А когда конкуренция станет реальностью, взятки государственному ТВ станут меньше даваться. Во-первых, государственная чиновничья телевидения должна получать такую же высокую зарплату, как и чиновник госаппарата, — до этого скоро додумаются. Во-вторых, зачем мне давать взятку, если у меня есть неплохая альтернатива? Был я на днях в Москве. В гостинице предложили двухместный номер. За взятку, может, поселили бы одного. Но давать взятку для меня унизительно. Я пошел в частную гостиницу, напротив. Заплатил в четыре раза больше, но зато с чистой совестью.

Взятки на ТВ исчезнут, если оставить рекламу только на частных каналах. Егор Яковлев сейчас твердит об этом, убедился на собственном опыте. Но во всем мире так оно и есть! В США 70 процентов, из них один государственный, остальные — частные. Реклама — только

на частных. Потому что реклама на государственном ТВ — это его покупка, подкуп. Когда я читаю на экране — спонсоры программы такие-то, я удивляюсь: что это за спонсоры? Почему кто-то может купить часть общенационального эфира? Почему на нем сохраняются плохие передачи, держатся бездарные работники? «Останкино» сейчас просто запылало в играх типа «Поля чудес», прибыльных шоу и рекламе. Можно представить, что творится внутри этого монстра. Все покупается и продается. Вокруг «Останкина» уже криминальная обстановка. Недавно убили одного из директоров музыкально-развлекательных программ — все оттого же.

— Бесконечная смена руководителей ТВ вас не забавляет? В застойные времена ТВ при всех его недостатках было гораздо стабильнее.

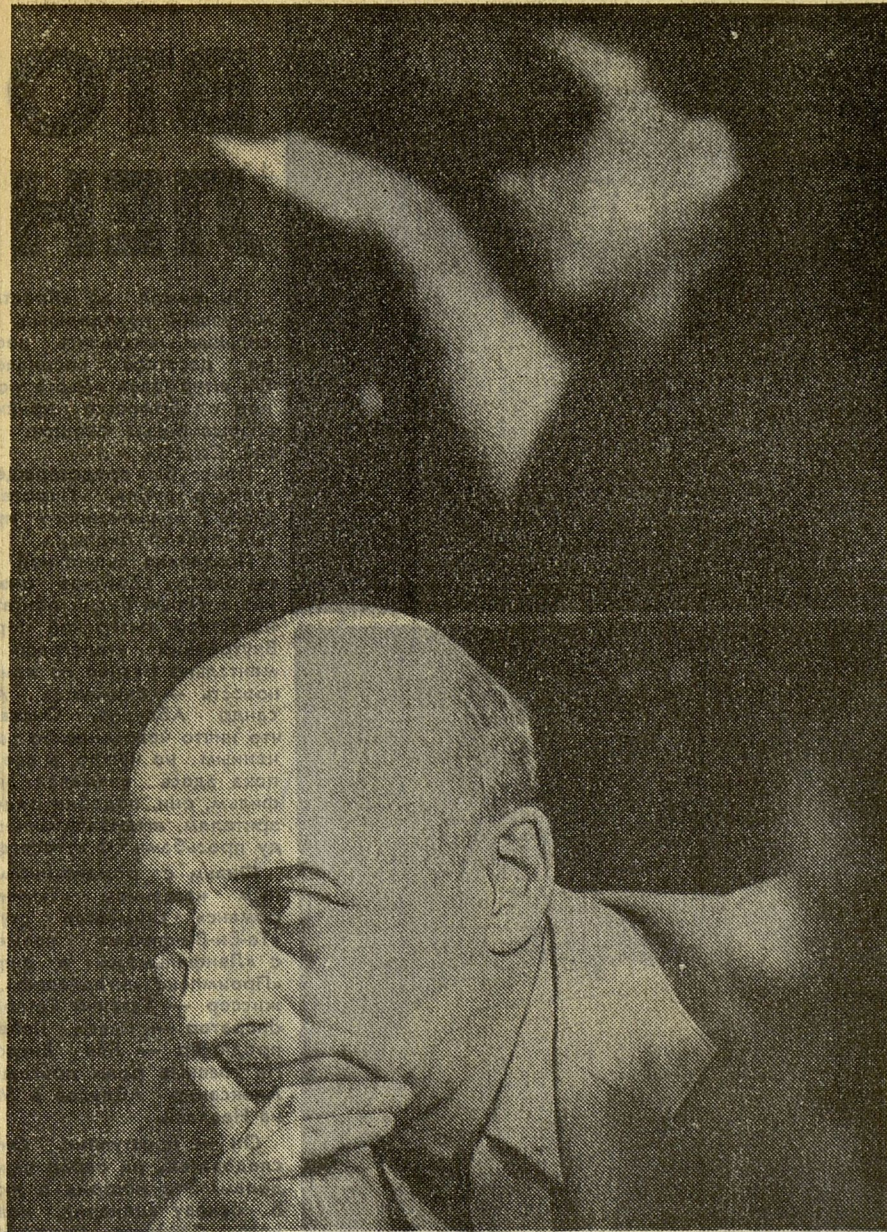
— К сожалению, с завоеванием власти наши телена начальники направляют остатки энергии только на то, чтобы удержаться в креслах подольше. И намеренно тормозят создание новых телекомпаний. Боятся потенциальных конкурентов. Государственную технику на государственном ТВ продают не им, а в другие, более выгодные руки. Создают какое-то непонятное ТВ с точки зрения форм собственности.

Недавно в «Останкино» пришел новый председатель Вячеслав Брагин. Что изменилось? Руководителями ТВ становятся в результате закулисной борьбы и случайных, как в лотерее, назначений. Никто еще не пришел с готовым проектом. Никто не пришел именно потому, что подготовил такой проект. Это похоже на то, как выбирали в премьеры Черномырдина — по списку, мягким голосованием... Только будучи избранными, наши руководители начинают думать о собственной программе. Хорошо, если начинают...

А ведь пресек, программа — это даже не сегодняшний — завтрашний день. Нужно определить все, как в шахматной игре. Вот белые и черные цвета, исходное положение, порядок ходов, стратегия всей партии. Мы же ничего не можем продумать хотя бы на ход вперед. И это в стране, где, по принципу парадокса, рождается больше всего великих шахматистов! Но я совершенно уверен: кому-то очень невыгодно определять ходы и цвета. Полторанин с его Федеральным информационным центром? Опять тоталитарный прием: монополизировать, подмять под себя. ФТС во главе с Курковой? А где программа? Развешивать и пропагандировать политику Президента? Очень общо. И что будет делать Белла Алексеевна, если разочаруется в политике Президента — она ведь, как и любой другой, имеет на это право!

— Но для государственно мыслящего руководителя ТВ его личные симпатии или антипатии сути дела не должны мешать.

— Дай Бог, чтоб так было. Понимаю, во всем мире есть то, что американцы называют: президенты меняются, а политика остается. В этом здоровый консерватизм, стабильность, преемственность. Нельзя выплескивать с водой ребенка, даже если воды 90 процентов, а ребенка всего 10.



Посмотрите, с экрана исчез рабочий. В «перестройку» его любили снимать, а сейчас безразличны. Исчез целый пласт жизни. Почему бы ТВ не заняться всерьез и нашими национальными делами, борьбой мнений, поиском истины? Оно на то и государственное, что рассчитано на самую большую аудиторию, на разные интересы. Зачем же болтаться коснуться, и больно коснуться того, что волнует всех? О какой гласности на ТВ можно тогда говорить? Неудивительно, что первый зампреда «Останкина» Игорь Малащенко объясняет свою отставку в том числе и монополизацией «демороссов» на ТВ!

Да что там политик, возьмите любимое зрителями кино. Наши, отечественные фильмы с экрана почти исчезли. На 80 процентов — чужие, мыльные оперы, третьестепенные в собственных странах. Телевидению выгодно их покупать по дешевке и крутить, ориентируясь на дешевый вкус. У них есть своя аудитория, готовая смотреть и 1001-ю серию. Но у петербургского ретроканала «Осень» тоже огромная аудитория — он стал одиозной, особенно для пожилых людей. Им вообще ничего не оставили, на всех программах — мелькание кича, попа и авангарда. Пусть это будет, я не против. Но установите регламент — всему свое время и место.

Частника вы не обяжете регламентировать. И не надо. Его задача — следить то, что у него захотят купить. Государственное ТВ этим не должно быть озабочено: оно бюджетное. Но почему

этот статус не обеспечивает высокое качество программ, ведь бюджетное — не значит среднее или плохое. У него же высокие — государственные — интересы! Если бы эти интересы определяли все, на ТВ появились бы свежие идеи, новые люди. Исчезли бы искусственные рейтинги. Они ведь у нас не играют той роли, что на Западе. Получается, что у нас общественное мнение — ничто перед деньгами.

— Прекратились бы и бесконечные разборки между ТВ и прессой?

— Пресса старше ТВ, и ее отношение к нему исторически сложилось как опекающее, благотворно влияющее. ТВ не может сделаться лучше или хуже от того, хвалит или ругает оно газеты. Надо это понять. И тогда, скажем, Виктору Правдюку не придется выглядеть несколько смешным в своих оценках прессы. А вот самому ТВ полезно внимание пишущей братии. Здоровое и взвешенное. У нас же забыли само понятие «телевизионная критика», никто не вникает в тонкости ТВ.

Вот мне говорят: у вас устаревший прием — длинные синхроны (это когда изображение говорящего в кадре человека не перекрывается другими картинками). Но одно дело — просто «говорящая голова» в кадре, другое — сию минуту задумавшийся человек. Если я хорошо поставил вопрос, заставил его работать в кадре, мне не оторваться от него: как он говорит, ищет ответ... Это безумно интересно. Сейчас критика интуитивно обращается все больше к нег-

ровому кино. И это понятно. Ни одна актриса не сыграет так, как женщина рассказывает в кадре о своей судьбе, забывая о камере...

— Но, наверное, телекритика возродится только с ростом уважения ТВ к самому себе. Как можно говорить о фильме, который ТВ элементарно не дает досмотреть? Дежурный режиссер студии нажимает кнопку, вырубая финал вашего фильма — ему надо успеть прокрутить рекламу до «Вестей». А на следующий день мне не дают досмотреть сюжет о Высоцком. Обрывают, вежливо объясняя: авторы, мол, не уложились в отведенное эфирное время...

— Это символично. Мы, по-моему, убиваем сейчас Высоцкого. Во второй раз. Если ТВ на глазах миллионов его убивает, значит, с нами снова что-то неладно.

На телевидении много талантливых людей, определяющих его лицо. Мне нравятся Ворошилов, Молчанов, Политковский, вообще все «взглядывцы». Есть способная молодежь. Но все это — отдельные, пусть яркие, личности. Нет общего высокого уровня. И не может быть, пока нет новой модели мира...

— И потому вы не хотите возвращаться на ТВ?

— Да, и поэтому тоже. Меня ведь приглашал Виктор Югин — руководитель литературно-художественной редакции. Но он не смог ответить мне всего на три вопроса: какова концепция Петербургского ТВ (а вдруг я ее не разделяю?), каков юридический статус телекомпаний и, собственно, какой структурой, с каким порядком соподчиненности я должен руководить?

А потом мне пока хорошо на «Русском видео». У нас нет своего эфира, студий, всего две монтажные. Мы государственная организация, но не бюджетная. И ничего, самоорганизуемся. Мне нравится, как ребята делают новую передачу — панорамы новостей Си-Эн-Эн и Би-Би-Си. Они получают новости по спутнику всего за полчаса до выхода в эфир, успевают перевести и с колес подать зрителю. Мне нравится быть играющим тренером. Худрук — это ведь не администратор, а тот, кто определяет стиль и направление работы.

И как худруку, мне очень обидно, что «Русскому видео» тоже приходится иной раз подкреплять свою материальную базу за счет импорта типа «Моя вторая мама». Я надеюсь, это скоро пройдет — импортировать можно чулки или помаду, но не чужие чувства.

Конечно, меня тянет на ТВ. Но не на такое — неживое, искусственно-неоновое, придуманное, синтетическое, взбивающее мыльную пену. Не российскими болями пронизанное, а латиноамериканскими бананово-лимонными страстишками. Сплошной кич, тяготение к кичу, и чем покичистее, тем лучше!

Нет, не хочу я на такое фруктовое телевидение!

Но я уверен, что все трансформации, изменения статуса и подчиненности кончатся тем, что мы вернемся к муниципальному петербургскому ТВ. К такому, каким оно прославилось и каким должно быть. Со своим лицом, своими привязанностями и тематикой. И вот на такое ТВ я бы вернулся...

С гостем встречалась Елена ЮГИНА
Фото Александра ВЕЛЕНЬКОГО